

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ СИБИРСКИХ ТАТАР В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Г. Т. Бакиева

Статья посвящена малоизученной теме — положению женщины в семье сибирских татар в XIX — начале XX в. На основе архивных и нарративных источников рассмотрены такие аспекты семейно-брачных отношений у сибирских татар, как заключение брака, многоженство, взаимоотношения в семье, развод. Сделан вывод о том, что, несмотря на патриархальные устои, в изучаемый период расширялись права сибирской татарки: ее мнение влияло на заключение и расторжение брака, женщина имела имущественную самостоятельность, в случае развода могла повторно вступать в брак и имела право на воспитание своих детей.

Сибирские татары, семья, женщина, шарият, обычное право, брак, многоженство, калым, приданое, развод, наследование, воспитание детей.

В последние годы повысился интерес ученых к изучению роли сибирской женщины в общественной и семейной жизни. Внимание исследователей привлекали такие темы, как женское образование, женское предпринимательство, благотворительная и общественная деятельность женщин, роль и место женщины в семье [Гончаров, 2007; Журавлева, 2003; Матханова, 2001; Миненко, 2007; Скачкова, 2000; Скубневский, 2002; и др.]. Однако приходится констатировать, что рассматривался социальный и семейный статус лишь русской женщины Сибири и практически совсем не уделялось внимания положению женщины у сибирских татар. Таким образом, до сих пор нет не только обобщающей работы, раскрывающей социальный и семейный статус сибирско-татарской женщины, но и вообще каких-либо исследований по отдельным аспектам темы. В данной статье предпринята попытка восполнить пробел в изучении положения женщины у сибирских татар в семейно-брачной сфере в XIX — начале XX в.

В дореволюционной литературе содержатся описания сибирско-татарских женщин, их занятий, положения в семье. Исследователи того времени обращали внимание на внешность сибирских татарок. К примеру, в конце XIX в. И. Н. Юшков писал, что «физиономия татарских женщин гораздо красивее (чем у мужчин. — Г. Б.)» [1861. № 44]. В этнографических очерках за 1880 г. дается более подробное описание: «Черты лица у них (сибирских татарок. — Г. Б.) довольно правильные и приятные; цвет лица гораздо блее, чем у мужчин. Волосы совершенно темного цвета и довольно длинные; формы тела округлые, мягкие, оконечности пропорциональные, гибкие; плечи несколько отброшенные назад, а живот — выдающийся вперед. Женщины у татар, особенно достигшие 30-летнего возраста, отличаются большею дородностью, чем мужчины» [Народы России..., 1880. С. 32].

Сибирско-татарская семья в XIX — начале XX в. строилась на патриархальных отношениях, при которых власть принадлежала представителям старшего поколения, а главным в семье был мужчина. Согласно традиционным нормам сибирских татар дети «должны быть у родителей в послушании, безмолвном повиновении... Посему родители над детьми своими имеют право и власть. За все поступки наказывать их телесно до крови, не лишая только никакого члена. В сем наказании отец и мать не дают никакого отчета, а дети не должны на них жаловаться» [О жителях в Ялуторовском уезде..., 1821. Л. 2 об.]. Мусульманские нормы осуждали непослушание младших, расценивая его как один из пороков, наряду с самоубийством и ложной клятвой [Юшков, 1861. № 39]. На матери лежала забота о детях, их воспитании. Кроме воспитания детей сибирские татарки занимались домашним хозяйством. К. Ельницкий писал: «Домашние работы лежат на обязанности женщин, которые не только ухаживают за детьми, но также приготавливают пищу, шьют одежду и обувь членам семьи, валяют войлоки и вышивают шелком и золотом. Шитье татарок отлично не столько вкусом, сколько тщательностью отделки» [1895. С. 91]. В «Статистическом обозрении Сибири...» 1810 г. отмечалось, что «татарки прядут и ткнут собственного изделия шерсть, лен и пеньку. Вообще они трудолюбивы и занимаются многими рукоделиями» (с. 118).

Однако это можно отнести лишь к бедным слоям сибирско-татарского общества. В состоятельных татарских семьях жены не были обременены домашними заботами. Современник в начале XX в. писал: «Богатые татарки целые дни валяются на диванах, объедаются лакомствами, наряжаются и вертятся перед зеркалом» [Сно, 1904. С. 13].

О том, как строились взаимоотношения в сибирско-татарской семье, исследователи писали по-разному. В этнографических очерках о народах России за 1880 г. отмечалось, что «в Сибири далеко не все татарские женщины находятся в таком загнанном и замкнутом состоянии, как этого требовали прежние обычаи татар; многие из них уже не прячутся от мужчин и живут с мужьями по-человечески, в семье своей имеют право голоса и даже иногда управляют всем домом» [Народы России..., 1880. С. 51, 52]. Встречаются и нелицеприятные оценки. Так, И. Н. Юшков в конце XIX в. писал, что «в семейном быту своем они (татары. — Г. Б.) кажутся с первого раза необщительны, холодны, даже суровы с домашними. Но это бывает только оттого, что они при посторонних не любят высказываться. Женщины как машины ходят по указаниям своего господина, отца или мужа, с выражением простодушия и покорности на спокойном лице. Татарки однако преданы своим мужьям и питают к ним привязанность более чем мужья к своим женам» [1861. № 45]. Е. Э. Сно писал, что «к своим женам татары относятся с презрением, считая их низшими существами. Если жена рассердит его, то татарин может ее прогнать» [1904. С. 13].

Обычное право и мусульманские нормы в какой-то мере ставили сибирскую татарку в пониженное положение по сравнению с мужчиной. Например, бытовала норма, согласно которой свидетельство двух женщин приравнивалось к свидетельству одного мужчины. «Свидетельство женщин приемлются в основание в случаях осмотра беременности, и в сохранении девства. Более же ни в каких», — записано в сборнике обычного права сибирских татар [О жительствующих в Ялуторовском уезде..., 1821. Л. 7].

Обычное право сибирских татар запрещало женщине находиться в обществе мужчин, принимать участие в общественных сходах. На торжествах — свадьбе, религиозных и других праздниках — женщины находились отдельно от мужчин. На замужнюю женщину накладывались различные ограничения в семейных отношениях. Например, она не могла покидать дом без разрешения мужа или его старших родственников. Женщинам запрещалось показывать волосы, обнажать руки выше кисти, шутить при старших родственниках и др. [ПМА 1].

Если на замужних женщин налагались определенные ограничения, то незамужние девушки у сибирских татар в конце XIX — начале XX в. пользовались определенной свободой. Они не вели затворнического образа жизни. Молодежь, достигшая брачного возраста, имела возможность свободного общения. Знакомство завязывалось во время совместных работ, на вечеринках, посиделках, праздниках. У сибирских татар бытовали особые виды помощи (сиб.-тат. *омэ*) для мытья потолков, прядения пряжи, вязания сетей, изготовления и тканья мешковины, распространенные преимущественно среди молодежи. Особенностью этих посиделок с работой являлось то, что в них принимали участие и молодые парни. Знакомства молодежи происходили и во время посиделок без выполнения какой-либо работы. Разновидностью таких посиделок являлись совместные трапезы в доме одной из девушек аула. На угощение (сиб.-тат. *уртак аш* — букв. еда в складчину) приглашали и молодых парней селения. Совместная трапеза заканчивалась песнями, плясками, играми. Иногда на молодежные развлечения приезжали юноши из других татарских селений. Несмотря на предоставление девушкам некоторой свободы в общении с молодыми людьми, обычное право сибирских татар строго относилось к добрачным половым отношениям [ПМА 1].

Общественное мнение осуждало внебрачные связи супругов, по обычному праву сибирских татар за «прелюбодеяние» было установлено наказание в виде 39 ударов плетью. По законам Российской империи с 1837 г. за него вводилось и светское наказание в виде ареста от 3 до 14 дней, распространявшееся и на мусульман. Прежде чем применить арест, предусматривалось использование более «мягкого» наказания: наложение духовного покаяния либо 40-дневный пост [Уложение о наказаниях..., 1916. Ст. 1585]. Например, на «общественной сходке» д. Тусканской Бухарской волости Тарского округа 5 мая 1832 г. рассматривалось дело о «прелюбодеянной жизни» казака Ишмамета и Айжи Сеитовой по жалобе мужа Айжи, бухарца Нияза Аширова. Виновным в «прелюбодеянии» было назначено наказание в виде 39 ударов лозами, которое должно было производиться на сходке [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1082. Л. 2–2 об.].

За аналогичное преступление, совершенное в 1839 г., татары Тарского округа Ниясбагин и Чубарова получили наказание в виде 40-дневного поста. Кроме того, требовалось, чтобы они

«каждодневно приносили всем пред богом чистосердечное раскаяние: мужчина в мечети, а женщина у приходского муллы в день по три часа» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1287. Л. 5–5 об., 7].

При вступлении в брак родители молодых не должны были пренебрегать мнением молодых, в том числе и девушки. Мулла, читая молитву (араб. *никах*), должен был удостовериться в том, что жених и невеста вступают в брак по взаимному согласию. У сибирских татар, по обычаю, от имени молодых отвечали родители и свидетели (араб. *вакиль*). Это же подтверждалось правилами, принятыми Оренбургским магометанским духовным собранием 29 января 1841 г., в которых отмечалось, что «имамы при совершении браков... обязаны узнавать о желании невесты опосредованно, через свидетелей и только после этого должны приступать к совершению брака» [Азаматов, 1999. С. 129]. О том, что у сибирских татар молодые вступали в брак без принуждения, свидетельствуют описания исследователей. Например, Г. Громов отмечает, что «принуждения в женитьбе у них нет нисколько, а особливо женского полу. Почему отец невестин, коль скоро последует сватовство, при собрании родственников и сторонних людей, спрашивает оную люб ли ей жених, и охотно ли она за него идет? Согласный ее ответ все дело решит...» [1797. С. 179–180].

Имеются и другие материалы, свидетельствующие о том, что у сибирских татар решающим условием при вступлении молодых в брак являлось мнение родителей жениха и невесты. Например, в заметках за 1888 г. читаем: «У татар-мусульман... замуж девиц выдают нередко за таких мужчин, которых они вовсе не знают и никогда не видали, лишь бы, по практическим расчетам родителей, такие женихи представляли собой для дочерей выгодную партию. При таком условии нередки случаи того, что невеста смотрит на жениха с ненавистью, но родители... на это никакого внимания не обращают и тем часто создают несчастные браки» [Гражданское право..., 1888. С. 24]. Вероятно, такие браки были больше распространены у состоятельных татар.

Несмотря на большее распространение брака по сватовству, среди сибирских татар отмечались случаи хищения невест (сиб.-тат. *кыс урлау*). Однако насильственное хищение встречалось значительно реже, чем «похищение» с добровольного согласия самой девушки (сиб.-тат. *кацып цэгу*) и с согласия ее родителей. В одном из описаний такого «похищения», относящемся к началу XX в., говорится: «После того, как родители жениха и невесты поговорят и решат свадьбу, жених с товарищами приезжает в дом невесты. Они просят пустить их переночевать, так как они заблудились в дороге. Во время пребывания в доме невесты, молодые люди выбирают удобную минуту, хватают девушку и мчатся в деревню жениха. Родители невесты, хотя отлично знают, зачем приезжал жених, однако притворяются рассерженными и посылают погоню. Жениха задерживают поселяне, требуя плату за пропуск. Для этого жених запасается платками, лентами и различными мелочами, которые бросает в толпу. Едва успевают молодые скрыться в доме жениха, как является погоня, и отец невесты требует дочь. Тогда молодая выходит и говорит, что желает остаться у мужа. После этого отец требует выкуп. Кончается все это пиром» [Сно, 1904. С. 27].

Шариат разрешает каждому мусульманину иметь до четырех жен. Однако, как свидетельствуют материалы, сибирские татары редко брали больше двух жен. Во-первых, материальное состояние отнюдь не каждого правоверного позволяло платить калым за несколько жен и содержать их. Еще одну причину можно объяснить поговоркой, распространенной среди татар: «лучше две собаки во дворе, чем две жены в избе». Многоженство получило распространение в основном среди состоятельных слоев мусульманского общества — духовенства, купцов и вообще среди тех, кто мог заплатить калым за жен и содержать их. По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., по две жены имели Тюменский и Тобольский окружные ахуны (перс. «наставник» — высший сан приходского духовенства) Аптрахман Усманов Расиев, Мултасип Ниясов и указной мулла юрт Вагайских Тобольского уезда Мавлют Ниясов (43 года) [ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1815. Л. 492; Д. 484. Л. 64]. В юртах Ембаевских Тюменского округа в конце XIX в. многие бухарцы, в основном занимавшиеся торговлей, имели по две жены. Среди них владельцы кожевенных и мануфактурных лавок Кабир Муртазин, братья Мирхасим и Мирхайшар Миршановы, а также владельцы мелочных лавок Ахметшарип Кутчаков, Абдул Минаф Кутчаков и др. [Там же. Д. 1813]. В юртах Матияровских по две жены было у торговцев кожами — Рахим-Кирея Матиярова, Хайритдина Абайтуллина, Кармышака Абайдулина и торговца лошадьми Мухамет-Имама Мухаметаминова [Там же. Д. 1814]. В юртах Ново-Шабалинских торговцы кожами Мухамет Якубов, Ашмен Айнуллин и владелец лавки по торговле сырыми кожами и пушными мехо-

выми товарами Валик Ильчигулов также имели по две жены [Там же. Д. 1815]. А вот у Мусы Юлташева (40 лет), жителя юрт Иртышатских Тобольского округа, основным занятием которого являлось земледелие, было сразу три жены [Там же. Д. 490. Л. 12].

Что испытывали те женщины, которым приходилось находиться рядом с другими женами своего супруга, остается только догадываться. Очевидно, они не всегда могли мириться с таким положением, что подтверждается заметками очевидцев конца XIX в. Там, в частности, говорится, что «жены вечно ревнуют мужа к другим женам и между ними и мужем из-за этого происходят вечные ссоры, а иногда и драки» [Гражданское право..., 1888. С. 25]. Иногда это заканчивалось и более драматично, как это демонстрирует, например, следующий случай, произошедший в 1816 г. в д. Ашеванской Тарского округа. В деле указывалось на то, что жительница Асиба Мурзалеева принесла «объявление» Саргатскому опекуну, в котором жаловалась на своего мужа Айтбагу Аллабердиева. Женщина сообщала, что, прожив с мужем 10 лет, «прижила детей в хорошем с ним поведении и в порядочном житие», а затем он взял вторую жену. После этого «стал мне делать великое притеснение, и ежедневно почти бить... беспричинно», — сетовала Асиба на свое положение. Из материалов дела видно, что столь резкое изменение отношения к первой жене произошло не без участия родственников второй жены. В своей жалобе Асиба сообщала, что мать второй жены распространяла ложные сведения о том, что Асиба «якобы родила в девках ребенка и задушила», и также участвовала в ее избиении. Данное дело рассматривалось сначала волостным опекуном, а затем Тарским земским судом. Опекун, в силу данных ему полномочий, взял подписку от Аллабердиева в том, что «он своей жене Асибе истязаний никаких чинить не будет». Однако, как выясняется, Аллабердиев продолжал плохо относиться к своей первой жене, вследствие чего Асиба была передана отцу «на поручительство впредь до исследования» дела. В дальнейшем Асиба Мурзалеева вышла замуж за другого татарина той же волости [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 36. Л. 34–34 об., 60–61].

Похожая ситуация сложилась в юртах Сингульских Ялуторовского округа. Ясачный татарин юрт Больше-Акияровских Тюменского округа Мурат Атынбетев обратился 23 декабря 1828 г. к муфтию с просьбой разобраться в ситуации, возникшей между его дочерью Юмабигой и ее мужем Абтуллой Сафаровым. В своем прошении Атынбетев сообщал, что после 6 лет совместной жизни Сафаров, взяв вторую жену, стал «ненавидеть, причинять жестокие побои... разные тиранства» Юмабиге. До проведения разбирательства женщина была возвращена отцу. В отличие от предыдущего дела, супруги «полюбовно примирились» [Там же. Д. 461. Л. 1–1 об., 8].

О том, как трудно сладить с несколькими женами в доме, у сибирских татар бытовали различные истории. Вот одна из них: «Жил-был один татарин. Был он уже не молод, свято исполнял повеления Корана и славился благочестивою жизнью. Он имел трех жен. Несмотря на то, что дом его был богат добром и велик, эти три женщины постоянно ссорились и даже дрались. Однажды в морозный зимний день разыгралась буря. Как раз в это время жены благочестивого татарина затеяли такую ссору, что он не мог оставаться в избе и выбежал на улицу. Стоит бедняк, мерзнет; вихрь треплет его одежду, а из избы все доносятся крики и ругательства злых женщин. Увидел сосед старика, удивился и спрашивает:

— Что ты тут делаешь в такую бурю?

— Эх, — ответил старик, — если бы ты знал, какая буря у меня в избе, то не стал бы удивляться» [Сно, 1904. С. 25–26].

Каждый мусульманин, вступая в брак, обязан был выделить невесте определенную часть своего имущества (араб. *махр*; тур. *мехр*). В исторической литературе различают махр и калым (тюрк. «остаток»). У сибирских татар эти понятия были тождественны и рассматривались как выкуп за невесту [Валеев, 1993. С. 160]. Калым выступал как пережиток древних обычаев, сохранившийся у многих народов, принявших ислам. По словам информаторов, у сибирских татар выкуп за невесту назывался *калым*, *мэр*, *салым*, *саум*, *пирья* (в зависимости от местности). Он включал в себя определенную сумму денег, одежду, обувь, головные уборы для невесты, корову, теленка, овец на забой для свадьбы (сиб.-тат. *аус елтыш*); лошадь (сиб.-тат. *баш ат*) для отца невесты; отрез материи для матери невесты (сиб.-тат. *ина тун*); продукты на свадьбу (мясо, муку, масло) [ПМА 1]. В сборе калыма участвовали родственники, иногда не только близкие, но и дальние. Калым у сибирских татар поступал в пользу отца девушки, который, однако, не распоряжался им, а передавал все дочери [О жителях в Ялуторовском уезде..., 1821. С. 9].

Размер калыма зависел от социального статуса и состоятельности лиц, вступающих в брачные отношения. По данным Г. Громова, «у них (сибирских татар. — Г. Б.) бедняки должны заплатить одного по крайней мере рублей 30, а богачи рублей по 100, по 200 и дороже» [1798. С. 179]. В «Статистическом обозрении Сибири...» 1810 г. находим такие сведения о сибирских татарах: «За жен они дают калым, т. е. плату, состоящую в скоте, деньгах и одежде от 20 руб. до 500 руб.» (с. 116). В 60-х гг. XIX в., описывая тобольских татар, И. Н. Юшков писал, что калым устанавливался «смотря по достоинствам невесты и состоянию ее отца, бывает ценой от 30 до 500 рублей серебром и более и выплачивается деньгами, скотом или товарами» [1861. № 45]. Это подтверждается и архивными данными. Например, житель д. Тусказанской Тарского округа Курман Бакин, выдавая дочь замуж за Нияса Аширова, получил калым в сумме 38 руб. [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1082. Л. 4]. В 1827 г. татарин Ялуторовского округа Слободо-Бешкильской волости Е. Искандеров, вступая в брак с Гульзабикой Ташбулатовой, заплатил калым «товаром и деньгами» на сумму 450 руб. [Там же. Д. 1292. Л. 1]. В 1834 г. житель юрт Верхне-Тарманских Кашегальской волости Тюменского округа Касмали Аитов за «девку Канибу отдал ее отцу деньгами и вещами на 70 рублей» [Там же. Д. 1162. Л. 1]. Татарин юрт Кыштымлинских Абдрахимов за жену отдал калым в сумме 60 руб. [Там же. Д. 1087. Л. 24 об.]. Имадутдин Абдуназыров, житель юрт Подъемных волости Оброчных Чувальщиков, в 1906 г. утверждал, что калым заплатил наличными деньгами 100 руб. и на свадебные расходы «употреблено было около 100 рублей» [ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 5 об.].

До тех пор пока жених полностью не доставлял все составные части калыма в дом невесты, свадьба (сиб.-тат. *туй*) не устраивалась. Часто с момента сватовства и никаха до свадьбы проходило от нескольких месяцев до года, а иногда и больше. В это время жених мог время от времени посещать свою невесту. Еще в конце XVIII в. был описан обычай у сибирских татар под названием «за пазуху ходить», так как «в то время женихова вольность простирается только до пазухи невестинной, а не далее». «Хождение за пазуху имеет ту выгоду, что жених под сим предлогом может иногда прийти к невесте врасплох; и таким образом вящще удостовериться о прямых ее качествах. Ибо ежели он приметит за нею что-либо предосудительное, и то засвидетельствовано будет другим, в таком случае без всякого шума может отказаться от нее заблаговременно, и получит обратно данную уже до того часть выкупа» [Громов, 1797. С. 180, 182]. У сибирских бухарцев деревень Ембаево и Тураево Тюменского района этот обычай назывался *кияуляу* (от сиб.-тат. *кияу* — зять) [ПМА 2].

Иногда, по соглашению сторон, определенная часть калыма могла быть уплачена после свадьбы. Однако в таком случае муллы могли запретить молодым проживать вместе. Так, в 1835 г. был заключен брак между ясашным татаринном юрт Больше-Каскаринских Сульбухаром Абдукасимовым и Калимчаной Аптулиной. В связи с тем, что Сульбухар выплатил только часть калыма, указанного в брачном договоре, ахун Тюменского округа Мавлютов вынес решение: до тех пор, пока не будет выплачен весь калым, молодые «должны препровождать жизнь порознь» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1290. Л. 8]. Жена также могла отказываться от сожития с мужем, если он не уплатил махра [О жителях в Ялуторовском уезде..., 1821. С. 9].

У заболотных татар очень часто сыновья бедных рыбаков и охотников всю жизнь оставались холостыми, не имея средств выплатить калым [Файзуллина, 1997. С. 241]. У других групп сибирских татар, в частности у тарских, в конце XIX — начале XX в., по данным Ф. Т. Валеева, размеры калыма не были очень обременительными, «среди них в этот период редко встречались случаи нахождения холостого мужчины в женихах в течение нескольких лет из-за того, что не мог своевременно выплатить калым» [1993. С. 161].

Избежать уплаты калыма можно было, похитив будущую жену. Однако это могло иметь неблагоприятные последствия для похитителя. Например, житель юрт Аевских Тарского округа Сумаш Муратов обратился в Тобольский земский суд о наказании Учкюртки Кармышакова, женившегося на его дочери Кулюстане тайно, без согласия отца. Отец девушки требовал выплатить «за бесчестие» 500 руб. и столько же за понесенные им убытки, а брак аннулировать. Муратов обвинял в преступлении не только Кармышакова, но и муллу д. Себеляковой Исака Мухаметдинова, «венчавшего» молодых [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1085. Л. 94, 99].

Важную роль в хозяйстве молодоженов у сибирских татар играло приданое (сиб.-тат. *бирнэ*), хотя оно и не являлось обязательным условием брачного договора. Родители девушки, как правило, готовили его задолго до предстоящего замужества. Оно состояло из двух частей: скота (коров, овец) и домашней утвари (постельных принадлежностей, посуды). Вот какое прида-

ное, к примеру, выделил своей дочери Шаиме при выходе замуж в 1833 г. майор мурза Рахматулла Кульмаметьев: «Сундук заводской длиною 1/4 аршина, окован белым железом. В нем положено: оловянной посуды 1 миска, 4 блюда глубоких, 10 тарелок осьмигранных, 10 кружек, 2 блюда больших, 9 медных подсвешников, 2 кувшина медных, 1 медный таз, 1 таз медный большой, 1 самовар, 12 пар чайных чашек, 6 чашек китайских, 2 чашки пенковых, 1 кошма большая, 1 персидский ковер, 1 большая подушка пуховая, 1 ситцевая занавесь, одна от серег золотая цепочка, стоящая 25 руб.» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1084. Л. 7]. А вот приданое, которое «инородец» Подгородной волости Тарского уезда Назир Ниясов смог выделить своей дочери Сабуре в 1835 г., не было таким разнообразным. Оно включало следующие вещи: халат, ситцевую занавесь, подушки с наволочками, 2 рубахи ситцевые, сковороду железную, два ящика (один обитый железом); всего в сумме 40 руб. 80 коп. [Там же. Д. 1288. Л. 2]. Кроме того, невеста должна была готовить подарки для жениха и его родственников. На свадебном сговоре (сиб.-тат. *ярашу*) назывались конкретные родственники жениха, кому невеста должна была подготовить подарки, раздаваемые при обряде никах [ГМА 2].

Приданое было полной собственностью женщины, при разводе она уносила его с собой. Приданое супруги являлось неприкосновенным, на него не обращалось взыскание по обязательствам супруга. Кроме того, по закону, не могли обращать взыскание по долгам мужа на следующие вещи супруги: женские платья и белье; половину мебели, находящейся в доме, и половину всей посуды; половину экипажей, лошадей, упряжи. Когда вещи не могли быть разделены в натуре, то они продавались, и супруга получала половину вырученной суммы [Законы о судопроизводстве..., 1873. С. 413–416].

В исламе женщине предлагается равноправие по вопросу о расторжении брака. Для разрыва брачных отношений весомыми являлись следующие причины: отказ одного из супругов от мусульманского вероисповедания, длительное безвестное отсутствие мужа, отказ от содержания супруги и детей, наличие умственных и физических недостатков (острые душевные и некоторые другие болезни). Например, длительное отсутствие супруга служилого казака Мавлютова в течение 15 лет стало поводом для того, чтобы его жена Рахилия вышла замуж за другого — Абцалила Абдрахманова. А затем, когда и Абдрахманов уехал «для обучения в Челябинский уезд, где пробыл 5 лет», Рахилия вышла замуж в третий раз — за Мамыкова [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1087. Л. 6, 24 об.–25]. По шариату ограничений в числе повторных браков не было.

Жестокое обращение мужа также могло быть причиной для развода, но чаще рассматривалось вместе с другими обстоятельствами. Так, в 1888 г. в Духовном собрании мусульман рассматривалось прошение дочери татарина юрт Баишевских Карымжана Якубова о разрешении ей вступить в новый брак. Как указывалось, «по случаю жестокого обращения с нею мужа Махмутова и недоставлении ей в течение 7 лет средств к содержанию» [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 10. Д. 46. Л. 1–1 об.]

Согласно фетве муфтия А. Сулейманова 1841 г., основанием для развода могло быть заключение брака против желания невесты [Сборник циркуляров..., 1905. С. 6].

Веской причиной, по которой женщина могла быть инициатором развода, являлась неуплата оговоренной суммы калыма. Показательным является дело 1823 г., по прошению ясашного д. Шайтановой Тюменского округа Мурата Байбакова. Он жаловался на то, что жена Рабига, воспользовавшись отсутствием мужа, уехала от него к своему отцу. Поехав за женой, Байбаков хотел ее вернуть, но тесть Ирик Тохташев дочь не отдал зятю, а его самого «вытолкнул из дому». Из дела выясняется, что Мурат не выплатил калым в назначенное время, в связи с чем мулла развел эту пару, хотя и без разрешения мужа. Рабига же вышла замуж за другого ясашного татарина, Мурса Аллоярова из юрт Варваринских [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 155. Л. 6–6 об.]. Как показывают материалы, родители часто поддерживали своих дочерей в бракоразводных делах, а иногда выступали зачинщиками разводов. Например, как это видно из дела, которое рассматривал в феврале 1838 г. ахун Тобольского уезда Абдулсалим Абдулвалиев, родители «татарской девки» юрт Уватских Гулии Атаевой воспрепятствовали продолжению брака дочери с ее мужем жителем юрт Тукузских Гибади Сабанчиным [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 459. Л. 1].

Иногда жена, желавшая развестись, откупалась от мужа махром либо суммой, превышающей его. Об этом, например, свидетельствуют следующие случаи. В Тюменском уезде в 1835 г. ахун рассматривал дело казака Измаила Алеева о разводе с его женой Кобяковой. Как видно из дела, Исмагил Алеев наносил побои жене и дочери, а также теще. Жестокое обращение мужа

вынудило Кобякову обратиться к духовным и светским властям, и, для того чтобы получить развод, Кобякова заплатила 100 руб. [Там же. Д. 1291. Л. 1–2, 9].

Из дела 1839 г. видно, что Мегурбана Саликова, уходя к другому, Сулейману Чураеву, для того чтобы получить развод у своего мужа Рахмангулова, вернула калым, в чем он дал подписку, в которой от нее отрекается и дает развод [Там же. Д. 720. Л. 1–3 об.]. Таким образом, как показывают материалы, сибирская татарка боролась и смело отстаивала свое право на счастье, она не хотела быть покорным существом, терпящим унижения.

Особенностью развода по шариату являлось то, что супруги в течение трех месяцев (араб. *идда* — срок, за который определялась возможная беременность, для установления отцовства) оставались под одной крышей. Это период времени, во время которого разведенная или овдовевшая женщина не могла выйти замуж за другого мужчину. Муж должен был в период *идда* содержать жену [Цмай и др., 1998. С. 63].

В принятых Оренбургским магометанским духовным собранием правилах от 24 июня 1897 г. относительно детей, оставшихся после развода родителей, отмечалось, что мать имеет право воспитывать своих детей — сыновей до 7-летнего возраста, а дочерей до достижения ими периода половой зрелости — при наличии следующих условий:

а) при жизни отца, когда он в разводе с матерью детей, или после его смерти;

б) если она сама изъявит согласие на воспитание детей;

в) если она не состоит замужем за чужим, т. е. лицом, состоящим в такой степени родства к детям, в которой допускается брак такого лица с детьми.

При отсутствии этих условий право и обязанность воспитывать детей (доставлять средства для их содержания в любом случае) принадлежат отцу, а в случае смерти его — деду детей [Сборник циркуляров..., 1905. С. 126].

Наследственное право сибирских татар, опиравшееся на шариат, отдавало преимущество в наследовании родственникам по мужской линии. Если наследниками оставались дочери, им отдавалась половина всего имущества, другая же половина — либо отцу, либо брату или другому близкому родственнику умершего. Матери полагалась, при оставшихся сыновьях, шестая часть, а если детей не было вовсе — третья часть, остальная часть отдавалась другим родственникам умершего. Женам, в случае отсутствия детей, полагалась четвертая часть, остальная — родственникам умершего. Если у татарина было от двух до четырех жен и от всех у него были дети, то после смерти его имущество распределялось между сыновьями по равной части, дочерям — вдвое меньше, чем была доля у сыновей, а жены получали восьмую часть. Родители при детях получали 1/6 часть, без них же принимали все наследство [Торнау, 1866. С. 89–91, 164, 166].

В заключение следует отметить: несмотря на то, что отношения в сибирско-татарской семье опирались на патриархальные устои, в XIX — начале XX в. наблюдалась тенденция расширения прав женщины. Это проявлялось в предоставлении ей права вступать в брак по своему усмотрению, в возможности быть инициатором в бракоразводном процессе, в воспитании своих детей, и при этом в сохранении имущественной защищенности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГУТО ГАТ. Ф. 346. Оп. 1. Д. 29; Ф. 417. Оп. 2. Д. 484, 490, 1813–1815.

ПМА 1 — Полевые материалы экспедиции автора в д. Индери, Бегитино, Вершинские, Осиновские, Тукуз Вагайского р-на, д. Нижние Аремзяны, Надцы Тобольского р-на в 1990–1992, 2000–2004 гг. (тетради 1, 2).

ПМА 2 — Полевые материалы экспедиции автора в д. Ембаево, Тураево, Янтык Тюменского р-на 2008 г. (тетрадь 3).

ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 36, 155, 459, 720, 1082, 1084, 1085, 1087, 1162, 1287, 1288, 1290–1292; Оп. 10. Д. 46.

Гражданское право: очерки народного юридического быта. Казань, 1888. Вып. 1.

Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских: (Свод законов. Т. 10. Ч. 2). Изд. 4-е. 1873.

Народы России: Этнографические очерки. Изд. ред. журн. «Природа и люди». СПб., 1880.

О жительствующих в Ялуторовском уезде ясашных татарах. 1821 // РО ТГИАМЗ. КП 12888. № 69.

Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания: 1836–1903. Уфа, 1905.

Положение женщины в семье сибирских татар в XIX — начале XX в.

Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Пг., 1916.

Литература

Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII — XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. 193 с.

Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.

Гончаров Ю. М. Социально-правовой статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX в. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2007. С. 59–71.

Громов Г. Позорище сыгранных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и притом нечто для холостых и женатых. СПб., 1797. 305 с.

Ельницкий К. В. Иностранцы Сибири и среднеазиатских владений России. СПб., 1895. 136 с.

Журавлева Н. Н. Грамотность женского населения Томской и Тобольской губерний по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. 2. С. 462–465.

Матханова Н. П. Становление женского образования в Сибири (первая половина XIX века) // Духовная культура народов Сибири: традиции и инновации. Новосибирск, 2001. С. 37–61.

Миненко Н. А. Женщина-казачка в урало-сибирском социуме XVIII — начала XX в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII — начала XX в.: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2007. С. 116–134.

Скачкова Г. К. Социокультурный облик образованной женщины Тобольской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 322–325.

Скубневский В. А. 170 лет со дня рождения предпринимательницы и благотворительницы Е. И. Судовой (1832–1906) // Барнаульский хронограф. Барнаул, 2002. С. 40–41.

Сно Е. Э. Потомки Золотой Орды татары: Очерк. СПб., 1904. 28 с.

Торнау Н. Е. Мусульманское право. СПб., 1866. 259 с.

Цмай В. В., Боев В. М., Гинц А. А. Мусульманское семейное право. СПб., 1998. 120 с.

Юшков И. Н. Сибирские татары // Тоб. губерн. ведомости. 1861. № 39, 44, 45.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to a little-studied question regarding position of a woman in Siberian Tartars' family in the XIXth — early XXth c. Basing on archive and narrative sources, subject to consideration being such aspects of family and conjugal relations with Siberian Tartars as contracting a marriage, polygamy, mutual family relations, and divorce. The author comes to the conclusion that despite patriarchal foundations, the rights of a Siberian Tartar woman during the studied period were broadened: her opinion influenced contracting a marriage or divorce, she also possessed property independence and could, in case of divorce, contract another marriage, having the right to bring up her children.

Siberian Tartars, family, woman, shariat, customary law, marriage, polygamy, bride-money, dowry, divorce, inheritance, bringing up children.